Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2019. С. 63–73

УДК 27-284
Игумен Тарасий (Ланге) (Ланге Ю.И.)
Смоленская Православная Духовная Семинария

К вопросу о неизгладимом характере священства

Ключевые слова: иерархическое священство; хиротония; благодать священства; неизгладимый характер таинства священства; декрет о священстве Тридентского собора; последствия извержения из сана.

В статье представлено учение о иерархическом священстве, как особом благодатном служении в Церкви; в связи с этим освящаются следующие вопросы: в чем суть благодатного дара священства, каково отношение этого дара к личности священника, сообщается ли этот дар навсегда, являясь чем-то неотъемлемым, или его можно утратить. В статье критически рассматривается учение Католической церкви о неизгладимом характере Таинства священства. Решение указанных вопросов актуально, в частности, для церковного судопроизводства регулируя каноническую практику извержения из сана.

Иерархическое священство в Церкви есть особое благодатное служение. В отличие от представлений о священстве протестантских теологов и католики, и православные признают священство Таинством, а священническое служение связывают с получением через хиротонию особых благодатных даров. Благодатные дары Святого Духа, сообщаемые в хиротонии, «не есть субъективное вдохновение того или иного лица, но есть объективный факт жизни Церкви» [7, с. 49]. Благодать священства сообщает дары управления, учительства, разумения вещей духовных, но в первую очередь она связана с властью тайнодействия. Иерархия в Церкви – это, прежде всего, власть совершать Таинства, поскольку она является носительницей таинственной силы: «каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей Таин Божиих» (1 Кор 4:1). Таким образом, «иерархию в Церкви нужно понимать именно как закономерный, регулярный харизматизм определенного назначения, служащий, в частности, для таинственного сообщения благодатных даров, для преемственности благодатной жизни» [7, с. 49–50]. Такой регулярный харизматизм, образующий основу таинственной, благодатной жизни Церкви, должен иметь для себя в Церкви постоянных носителей, которыми и является иерархическое священство. Священство дает своим законным служителям особую силу и власть совершать Таинства, толковать божественное Откровение и служить домостроительству Спасения, осуществляемого в среде людей Господом нашим Иисусом Христом. Поэтому «иерархия, ведущая свое происхождение прямо от Христа, Первосвященника по чину Мельхиседекову, чрез апостольское преемство, есть Сам Христос, тайнодействующий в Церкви Своей» [7, с. 54]. Таким образом, священство воплощает в себе всю

силу, благодать и власть Господа нашего Иисуса Христа, оно не может быть заменено никаким другим чином или служением в Церкви.

В отношении иерархического священства важным представляется ответить на ряд вопросов: в чем суть благодатного дара священства; какова его природа, каково отношение этого дара к личности священника; принадлежит ли этот дар лично ему, или Церкви; сообщается ли этот дар навсегда, являясь чем-то неотъемлемым, или его можно утратить. Решение этих вопросов является важным как в теоретическом, так и в практическом плане. Благоговейное отношение к священству напрямую зависит от правильного понимания сути получаемых благодатных даров, а решение вопроса об отношении этого дара к личности его носителя является важным для церковного судопроизводства, в частности регулирует каноническую практику запрещения и извержения из сана.

Для выяснения вопроса, в чем суть благодатного дара священства и какова его природа, следует обратиться к анализу содержания молитв хиротонии и творений святых отцов, посвященных осмыслению учения о Таинстве священства.

Среди благодатных даров священства, имеющих отношение к личности священнослужителя, следует указать на дар неосужденного предстояния, поскольку, прежде всего, совершитель Таинств сталкивается с проблемой собственной греховности, собственного недостоинства. В силу причастности греху никто не может самовольно приступать к священнодействию без осуждения: «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити, или приближитися, или служити Тебе, Царю Славы: еже бо служити Тебе велико и страшно и самем небесным Силам ...» [12, с. 78–79].

Когда священник совершает Евхаристию, призывает Святого Духа «и часто прикасается к общему всем Владыке, тогда, скажи мне, с кем наряду поставим его? Какой потребуем чистоты от него и какого благочестия?», – пишет святитель Иоанн Златоуст. И далее: «Предстоит священник, низводя не огнь, но Святого Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы Благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила чрез нее души всех и сделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно исступленного или безумного, может презирать такое страшнейшее Таинство? Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати?» [1]. Протоиерей Лев Лебедев рассуждает о этой великой помощи следующим образом: «При хиротонии особое действие (энергия) Святого Духа сообщает поставляемому в священники особую силу, крепость, благодать, необходимую благодатную защиту от того “огня” Божества, с которым ему теперь придется непосредственно соприкасаться при совершении Таинств, иными словами – сообщает ему способность неосужденно священнодействовать Таинства Божии для людей, для Церкви» [5, с. 25–26]. Для того, чтобы человек, пребывающий в состоянии непреодоленной греховности, «мог стать сообразным Христу в Его

Священстве для Церкви, явно недостаточно простого человеческого обряда благословения в значении “поручения исполнять пресвитерские обязанности”; требуется чрезвычайный дар Святого Духа, Его особенная благодать “врачующая” и “восполняющая”[1] в предрасположенном ко греху человеке то, чего сам он уврачевать и восполнить принципиально не может. Требуется Таинство священства» [5, с. 26].

Во время совершения хиротонии архиерей молит Господа сохранить поставляемого «в непорочном жительстве и неклонной вере» и в молитве испрашивает поставляемому в священство дары Духа, необходимые для его пастырского служения: «Боже великий в силе и неизследный в разуме, дивный в советех паче сынов человеческих, Сам, Господи, и сего, егоже благоволил еси на пресвитерский возъити степень, исполни Святаго Твоего Духа дара, да будет достоин предстоять непорочно жертвеннику Твоему, вествовати Евангелие Царствия Твоего, священнодействовати слово истины Твоея, приносити Тебе дары и жертвы духовныя, возновляти люд Твой чрез купель пакирождения. Яко и сей, сретив во Втором Пришествии Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Единороднаго Твоего Сына, приимет мзду благаго икономства своего чина, во множестве благодати Твоея» [12, с. 216–217]. В молитве названы следующие дары Святаго Духа, о ниспослании которых поставляемому молит Церковь во главе с архиереем: сила в проповеди Евангелия, возможность достойно (без осуждения) предстоять престолу Божьему, священнодействовать слово истины, приносить Богу дары и жертвы духовные, даровать людям рождение в новую жизнь чрез купель Крещения.

Важнейшим даром, сообщаемым Духом Святым священнику в хиротонии, по мнению пасторологов, является также дар сострадательной пастырской любви. Глубокие размышления об этом представлены в книге архимандрита Киприана (Керна) «Православное пастырское служение». Ссылаясь на святителя Иоанна Златоуста, автор утверждает, что в Таинстве священства поставляемому сообщается духовная любовь к пастве, источником которой является ни что-либо земное, а дар свыше [3, с. 31–32]. Такая любовь есть, собственно, любовь Самого Христа к Своей Церкви, такую любовь человек естественным образом иметь не может.

Итак, священник становится носителем особых харизм. Согласно учению как Православной, так и Католической Церкви, Таинства и богослужения имеют право и могут совершать только лица, получившие в хиротонии благодатный дар священства. Совершение священнодействий непосвященными лицами (мирянами) кощунственно и, по существу, недействительно.

Полученный в хиротонии дар священства согласно учению Церкви о синергии необходимо хранить и «возгревать», как об этом пишет апостол Павел в послании к Тимофею: «Напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение» (2 Тим 1:6). Святитель Иоанн Златоуст в толковании на 2-е послание к

[1] Из чина хиротонии: «Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи, проручествует (имя), благоговейнейшаго диакона во пресвитера: помолимся убо о нем, да приидет на него благодать Всесвятаго Духа» [12, с. 214–215].

Тимофею так объясняет этот текст: «Тебе нужно иметь ревность, чтобы возгревать дар Божий. Как огонь требует дров, так и благодать – нашего усердия, чтобы она воспламенялась..., потому что от нас зависит и погашать, и воспламенять ее... От беспечности и лености огонь угасает, от внимания и усердия воспламеняется. Он есть в тебе, но ты доставляй ему больше силы; то есть исполняй его крепости, радости, веселия; стой мужественно» [2]. Доброе хранение полученного дара возможно только через деятельное служение этим даром Церкви, почему оно и названо апостолом Павлом «возгреванием». Деятельное же служение зависит от свободной воли и усердия священника, от внутреннего подвига, как об этом пишет протоиерей Лев Лебедев. В случае, если священник не имеет должного усердия или не подвизается совсем, «дары Святого Духа, полученные им в Таинстве священства, будут постепенно блекнуть, как бы меркнуть, оскудевать» [5, с. 26]. Дольше всего при этом сохраняется дар неосужденного совершения Таинств и иных священнодействий. Этот дар может быть отнят только по суду Церкви, в случае, «если священник начнет переступать некие границы, определенные святыми канонами» [Там же].

Православная Церковь всегда оставляла за собой право суда над священниками. Каноны святых апостолов, Вселенских Соборов в качестве самого сурового наказания для священнослужителя говорят об извержении из сана: «Епископ, или пресвитер, или диакон, в блудодеянии, или в клятвопреступлении, или в воровстве обличенный, да будет извержен от священного чина, но да не будет отлучен от общения церковного» [4, с. 15] (См. также 49 Ап., 50 Ап., 21 VI Вс. Соб.). Об отнятии именного этого дара священства по суду Церкви говорит протоиерей Лев Лебедев.

Однако, вопреки практике Церкви, утвержденной Вселенскими Соборами и зафиксированной в церковных канонах, в Римско-католической традиции было догматизировано учение о совершенно неизгладимом характере Таинства священства, его неотъемлемости от получившего его лица. Протоиерей Николай Малиновский так освещает этот вопрос в своем труде «Очерк православного догматического богословия»: «В Римско-католической церкви со времени Тридентского собора принято и ограждено анафемой учение, что благодать священства имеет неизгладимый характер, что рукоположенный в ту или другую иерархическую степень не может опять стать мирянином, что вообще дарованная в хиротонии власть священнодействия не может быть отъята (Conc. trid. sess. XXIII, cap. IV et can. IV). Поэтому отрешение или низложение иерархического лица лишают его только права обнаруживать власть его степени, но не самой власти, а в известных случаях, по мнению некоторых римских богословов, бывает даже необходимым, чтобы низложенный проявил свои иерархические полномочия, когда, например, какой либо мирянин находится в смертной опасности, а священника с каноническими полномочиями близ него нет, и совершенные в таких случаях Таинства, не исключая ординации, действительны и не могут быть повторяемы» [6, с. 226–227].

А в праве Католической церкви учение о неизгладимости священства представлено следующим образом: «Печать, получаемая священником чрез рукоположение,

неизгладима; правильно рукоположенный может, конечно, быть лишен всех прав, сопряженных с духовным званием, и в этом отношении низведен в разряд мирян, однако он никогда не может быть лишен полученной чрез рукоположение способности к священнодействию, так что все специфически священнические обязанности он и после деградации и даже отпадения от церкви или христианской веры может довлеюще исполнять. А потому вопрос о лаицизации духовенства относится к бесполезнейшим, как стремление к омирщению церкви, к области невозможного» [11, с. 457–458].

На 23 сессии Тридентского собора был принят декрет о Таинстве священства. Декрет состоит из 4 глав, восьми канонов и утверждений. Процитируем четвертую главу документа «Церковная иерархия и рукоположение»: «Но, поскольку в Таинстве священства, так же, как и в Крещении и Миропомазании, запечатлевается характер, который не может быть уничтожен или удален, Святой Собор с полным правом осуждает мнение тех, кто утверждает, что священники Нового Завета имеют лишь временную власть и, однажды рукоположенные согласно правилам, они могут вновь стать мирянами, если не исполняют служение Слова Божия» и далее: «кто сделался священником, тот тем самым получил особую печать, которая никогда больше не может быть изглажена и, следовательно, какое бы преступление он ни сделал, какому бы наказанию ни подвергся, хотя бы самому большому, все же на нем останется навсегда неизгладимая печать священства (signaculum, character), подобно печати Крещения, и он никогда больше не может стать мирянином или, выражаясь словами этого (21-го трулльского) правила, перейти “в состояние мирян”» [11, с. 458–459].

Православная Церковь всегда признавала и признает Таинство священства, как и Таинство крещения, неповторяемым. Согласно 59 правилу Карфагенского собора ни епископ, ни пресвитер, ни диакон в другой раз не рукополагаются: «Непозволительно быть перекрещиванию или перепоставлению», – сказано в правиле [4, с. 202]. И 68 апостольское правило гласит: «Если кто епископ, или пресвитер, или диакон, приемлет от кого-либо второе рукоположение: да будет извержен от священного чина, и он и рукоположивший; разве если достоверно известно будет, что от еретиков имеет рукоположение. Ибо крещенным, или рукоположенным от таковых, ни верными, ни служителями церкви быть невозможно» [4, с. 23–24]. В Католической Церкви из учения о неповторимости Таинства священства было выведено учение о неизгладимости благодати священства.

Можно ли признать это учение согласным с учением Вселенской Церкви, выраженном в ее канонах и практике?

Действительно, согласно каноническим определениям Православной Церкви (59 правило Карфагенского собора), правильно совершенная хиротония не может быть повторена. Касательно же представления о неизгладимом характере священства, следует сказать, что в Православной Церкви нет догматизированного учения по этому вопросу, для его прояснения следует обратиться к церковным канонам, практике Православной Церкви и к мнениям авторитетных богословов.

С одной стороны, каноны Вселенской Церкви нередко говорят о таком лишении права священнослужения, которое означает совершенное извержение из сана. Так 21 правило VI Вселенского Собора гласит: «Оказавшиеся виновными в преступлениях, противных правилам, и за сие подвергнутые совершенному и всегдашнему извержению из своего чина, и в состояние мирян изгнанные...» [4, с. 83–84]. Очевидно, что в данном случае церковный канон содержит мысль не только об «отнятии внешней чести и должности, но о полном лишении священства, о бесследном отнятии того, что дано при посвящении» [6, с. 228–229]. С другой стороны, священников, незаконно изверженных из сана, церковная власть восстанавливала в священном сане, и, следовательно, признавала, что такое незаконное извержение не влечет лишения благодати священства. Например, отцами IV Вселенского Собора были восстановлены многие епископы, незаконно подвергнутые анафеме и лишению сана на Ефесском соборе 449 г. «Немало было и таких примеров, когда законно лишенные сана и даже отлученные от Церкви, потом, по принесении ими раскаяния, были восстановляемы в сане и принимаемы в общение с Церковью в своих степенях (I Всел. Соб. 8 пр.; Карф. соб. 79 пр.; Афан. Ал. Посл. к Руфиниану)» [6, с. 227–228]. Наличие таких прецедентов привело к тому, что мнения православных богословов по этому вопросу разделились. Одни богословы признавали учение о неизгладимом характере священства неверным. Такой точки зрения придерживался, например, святитель Филарет (Дроздов), который считал, что «принятие сего учения вело бы к тому, чтобы никого ни за что не лишать священства; а это было бы противно многочисленным правилам св. апостол, соборов и св. отец» [10, с. 478]. Другие православные богословы придерживаются мнения, что акт извержения из сана, как и запрещение, есть акт дисциплинарный, который самой благодати в ее существе не касается, а имеет целью предотвратить возможность злоупотребления этим благодатным даром. Так архимандрит Киприан (Керн) в книге «Православное пастырское служение» пишет: «Но есть и другая существенная черта в этом таинстве: священство – неизгладимо, учат римо-католики. То же мнение разделяют греческие богословы. По существу говоря, благодать низведенная архиереем в таинственном священнодействии во время Литургии не может быть снята никакой властью на земле. Считать, что акт консистории может лишить человека благодати Св. Духа, является богословской непоследовательностью. Крещение и священство неотъемлемы и неизгладимы. Даже грех отступничества не смывает благодати крещения, почему вернувшихся из апостасии не перекрещивают. Точно так же и самый страшный грех, совершенный священником и доведший его до осуждения на лишение сана, не может сам по себе, как и консисториальный акт, лишить священника благодати. В случае судебной ошибки такого расстриженного священника, оказавшегося невиновным, пришлось бы снова рукополагать, чего, конечно, не смеет сказать и самый строгий ригорист» [3, с. 59–60]. Фактически, данная точка зрения совпадает с учением Римско-католической церкви о неизгладимом характере священства. Чтобы решить, можно ли признать это мнение правильным, подробнее рассмотрим догматическое учение Римской церкви по этому вопросу.

Со времени Фомы Аквинского в Западной церкви существует учение о том, что в каждом Таинстве можно созерцать три составляющие: 1) знак Таинства – внешние символические действия и чин таинства, 2) печать Таинства – невидимая сторона Таинства, 3) благодать Таинства (в результате совершения Таинства и запечатления души человека особым образом для него становиться возможным получение благодати, сообщаемой в Таинстве).

Итак, Таинствам, согласно учению Католической церкви, прежде всего, присущ знак священной реальности (sacramentum tantum) – это видимая сторона Таинства, здесь важны материя (вещество и жесты, используемые в обряде), форма (предписанные к совершению Таинства слова), правильный служитель и намерение совершить Таинство: «Чтобы быть действительным, обряд обязан обладать должной формой и материей, и быть совершен должным служителем и в должном намерении» [9, с. 545]. Католики признают действительность совершенного Таинства независящим от святости или ортодоксии служителя. Следствия Таинств производятся ex opere operato (дословно – от совершения того, что было совершено): «Таинственное действие правильно преподанного обряда проявляется ex opere operato, то есть в силу должного совершения обряда Таинство становится причиной того, что оно и знаменует» [9, с. 546]. Действительность Таинства обусловлена, прежде всего, обрядом, а не служителем. Показательно, что Таинство крещения, по мнению католиков, может совершить не только мирянин, но даже и не христианин, если только он совершает его правильно и с должным намерением.

Знаки (правильно совершенная внешняя сторона обряда) являются причинами таинственных реальностей и благодатей [9, с. 546].

Первым следствием правильно совершенного Таинства (крещения, миропомазания, священства) является sacramentum et res (таинственная реальность) – печать крещения, миропомазания, рукоположения. Печать означает, что в результате правильного совершения Таинства душа человека запечатлевается особым, непостижимым образом. Поскольку Таинства крещения, миропомазания и рукоположения не повторяются Католики признают печать этих Таинств неизгладимыми.

Вторым следствием правильно совершенного Таинства является собственно даруемая Богом благодать – res tantum. Согласно католическому учению, «Таинства всегда даруют благодать, но эта благодать не всегда принимается» [9, с. 546]. «Благодать – это реальность невидимая и тайная, res tantum, свободный дар Бога, никогда нельзя с уверенностью сказать, получил или нет тот или иной человек таинственную благодать. Можно быть уверенным, что через таинственную реальность Бог, несомненно, предлагает человеку благодать, так как Бог всегда свободно предлагает людям Свои дары, но всегда остается возможность, что человек, принявший Таинство, в свою очередь не был открыт к принятию таинственных даров» [9, с. 546–547]. «Самое распространенное объяснение причин того, что человек может принять Таинство и не испытать его благодати в достаточной мере или не испытать вовсе, таково: принявший Таинство человек не обладает должным расположением духа для при-

нятия благодати» [9, с. 547]. Богословское различение таинственной реальности и таинственной благодати привело католических канонистов к заключению, что таинственная реальность неизменно даруется с помощью правильно совершенного обряда, поэтому принявшие Крещение могут подлежать общественной регистрации. При этом таинственная благодать остается личным делом каждого, так как зависит от внутреннего расположения души [9, с. 548].

Православная Церковь также, как и Католическая, признает крещение и миропомазание неповторяемыми и неизгладимыми. Используя в данном случае терминологию римских богословов, можно сказать, что в результате правильно совершенных Таинств человеку даруется и таинственная реальность, и таинственная благодать. Но если таинственная реальность – печать Таинства – неизгладима и зависит от правильности совершения Таинства, то принятие таинственной благодати зависит от расположения и готовности самого человека. Поэтому христианин, отпадший от Церкви, а затем обратившийся к вере вновь, будет восстановлен как член Церкви через покаяние, а не через повторное Крещение. Неизгладимая печать Таинств крещения и миропомазания пребудет на нем и во время его отпадения, однако абсолютно невозможно утверждать, что благодать Святого Духа (освящающая, взращивающая) будет продолжать действовать и в отпадшем от Церкви. Очевидно, что действие благодати Святого Духа (получение таинственной благодати) на время отпадения прекратится.

Казалось бы, логично рассуждать таким же образом и о Таинстве священства. В результате правильно совершенной хиротонии душа рукоположенного запечатлевается особым образом, христианин становиться священником и через него совершается освящение верных. Но если получение таинственной благодати, например, в крещении, зависит от расположения и готовности принимающего Таинство (его веры, чистоты), то действия благодати священства (право совершать и преподавать Таинства другим) в рукоположенном также должно от чего-то зависеть. Представляется справедливым полагать, что оно зависит от воли Церкви, избравшей (признавшей достойным) и поставившей христианина на служение. И если священник по какой-либо причине будет признан недостойным и извержен Церковью из сана, логично предположить, что благодать священства (возможность совершать и преподавать Таинства другим) в нем действовать не будет. Если даже признать неизгладимым сам факт посвящения (т.е. факт того, что над христианином была совершена хиротония и он стал священником, его душа была запечатлена особым образом), то все равно невозможно принять мнение Католической церкви, что Бог продолжает действовать и через изверженного из сана, а тем более отпавшего от Церкви. Таким образом, признание неизгладимости священства (печати Таинства священства) не может быть равносильна признанию неотъемлемости действующей через него благодати. Однако учение Католической церкви утверждает именно, что извержение из сана не лишает способности к священнодействию и что все свои священнические обязанности священник и после деградации и даже в случае отпадения от Церкви может исполнять.

Для разъяснения этого утверждения католические богословы указывают на разницу между действительностью и законностью Таинств, т.е. на то, что незаконно преподанные Таинства часто могут оказаться канонически действительными [9, с. 548]. Например, «если смещенный с должности или еретический епископ производит рукоположение в священный сан, он поступает незаконно, но священники будут действительно рукоположены, и Таинства, которые они, в свою очередь, преподают, также действительны, хотя и незаконны» [9, с. 548]. Согласно канонике Римской церкви, это так, поскольку первопричиной Таинств является Бог: «Так как обряды богоустановлены, они действуют посредством силы Божией и производят свой эффект автоматически, при условии, что обряды произведены должным образом» [9, с. 552]. Поэтому право Римской церкви не знает извержения из сана, а только полное запрещение священнодействовать и считает, что есть случаи, когда и после деградации священник может проявить свою власть.

В Православной церкви имеет место именно извержение из сана. Поскольку действительность благодати священства зависит от воли Церкви, то она в силу данной ей власти может отъять у поставленного ею во священники право совершать Таинства, и в силу таким образом проявленной воли Церкви Таинства не будут действительными и не будут сообщать освящающую благодать. Согласно учению Православной церкви, благодатная способность совершать Таинства не зависит от личных свойств и духовного состояния священнослужителя, она зависит от воли Церкви. Именно Церковь избирает и поставляет на служение, ей дано право признать избранного ею христианина как достойным, так и недостойным священнодействовать.

Поясним сказанное цитатой из статьи епископа Серафима (Белоножко): «Для понимания новозаветного священства не менее важен и его экклезиологический аспект... Священство в собственном смысле принадлежит в Новом Завете Самому Христу, а значит – и всему Его Телу, то есть Церкви. Ибо на Церковь Христову распространяется священство ее Главы... Для совершения... новозаветного священнослужения из числа членов Церкви избираются лица, рукополагаемые в священный сан. Священники Церкви совершают свое служение от лица Церкви и в единстве со всей Церковью как единым Телом Христовым... В главном церковном богослужении – Евхаристической литургии – служащий священник является предстоятелем: он стоит перед алтарем (престолом) в качестве главы общины и от лица всех “приносит словесную и бескровную службу”... В этом богослужении Церкви соучаствуют все верные, пребывая каждый в своем чине» [8, с. 318–319]. Поэтому невозможно говорить о действии Бога через изверженного священника вопреки воле Церкви как собрания верующих как единого целого.

Православная церковь, всегда признавая неизгладимый характер Таинств крещения и миропомазания (исповедуя «едино крещение во оставление грехов» [12, с. 90]), не высказалась подобным образом о Таинстве священства, не осудила, но и не догматизировала учение о неизгладимости священства. Для канонической практики Православной церкви было достаточно убежденности в том, что Бог не будет действовать

вопреки воле Церкви через священника, лишенного сана, ибо: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18:18). Как в отпадшем от христианской веры печать Крещения и Миропомазания остается неизгладимой, но спасительная благодать Святого Духа пресекает Свое освящающее действие, так же пресекается и действие благодати для других в священнике, лишенном священного сана. Таким образом, даже если признать верным учение Католической церкви о неизгладимом характере трех Таинств (Крещения, Миропомазания, Священства), то все же невозможно признать, что действие благодати священства (право и власть совершать Таинства) сохраняется в изверженном из священного сана по суду Церкви.

Литература

1. Иоанн Златоуст, святитель. О священстве. Слово 3, 4 // Православная энциклопедия «Азбука веры»: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_svyashenstve (дата обращения: 13.12.2019).

2. Иоанн Златоуст, святитель. Толкование на второе послание к Тимофею // Православная энциклопедия «Азбука веры»: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-timofeju/ (дата обращения: 13.12.2019).

3. Керн К., архим. Православное пастырское служение. СПб., 1999. 221 с.

4. Книга правил св. апостол, св. Соборов Вселенских и Поместных и св. отец. СПб.: Изд-во «Титул», 1993. 483 с.

5. Лебедев Л., прот. Заметки по пастырскому богословию. Сан-Франциско: Русский пастырь, 1999. 160 с.

6. Малиновский Н., прот. Православное догматическое богословие. В 4 т. Т. IV. СПб.: Аксион эстин, 2006. 661 с.

7. Настольная книга священнослужителя. В 8 т. Т. VIII. М., 1988. 798 с.

8. Серафим (Белоножко), еп. Таинство Священства: богословские аспекты // Православное учение о церковных таинствах. Материалы V Международной Богословской Конференции РПЦ. В 3 т. Т. II. М.: Синодальная Богословская Комиссия, 2009. С. 315–327.

9. Современное католическое богословие. Хрестоматия / под ред. Хейза М.А., Джирона Л.; пер. с англ. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 673 с. (Сер. «Современное богословие»).

10. Филарет (Дроздов), святитель. Собрание мнений и отзывов. Т. IV. СПб., 1886. 629 с.

11. Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III–XX вв. СПб.: Изд-во св. Петра, 2002. 562 с.

12. Чиновник архиерейского священнослужения. В 2 кн. Кн. 1. М.: Московская Патриархия, 1982. 252 с.

Igumenos Tarasios (Lange) (Lange Yu. I.)
Smolensk Orthodox Theological Seminary

On the indelible character of the priesthood

Key words: hierarchical priesthood; ordination; grace of the priesthood; indelible character of the sacrament of the priesthood; decree of the priesthood of the Council of Trent; consequences of the degradation of the dignity.

The article presents the doctrine of the hierarchical priesthood as a special Ministry full of divine grace in the Church; in this regard, the following questions are sanctified: what is the essence of the blessed gift of the priesthood, what is the relation of this gift to the personality of the priest, whether this gift is permanently transmitted, being something integral, or it can be lost. The article critically examines the teaching of the Catholic Church about the indelible nature of the Sacrament of the priesthood. The solution of these issues is relevant, in particular, for the Church proceedings regulating the canonical practice of the degradation of the dignity.